УДК 243.4 + 94(571.54)
ББК 86.35 + 63.3(2Рос.Бур)
DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-10-144-150

Д. С. Жамсуева

ПОВСЕДНЕВНЫЕ РЕАЛИИ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ БУРЯТИИ XIX в. В НАУЧНЫХ ЗАПИСЯХ УЧЕНОГО-ВОСТОКОВЕДА БАЗАРА БАРАДИНА

Дана характеристика научных записей дневников ученого-востоковеда Б. Барадина (отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1, 2, 26, 27), которые представляют уникальный материал для изучения повседневных реалий буддийских монастырей Бурятии. Диахронное разнообразие источников позволяет сделать относительно репрезентативные выводы о деятельности бурятских дацанов как центров буддийской культуры.

Ключевые слова: дневник, дацан, община, иконописная школа, внутреннее убранство.

D. S. Zhamsueva

THE DAILY REALIAS OF THE BUDDHIST MONASTERIES OF BURYATIA IN 19TH CENTURY IN THE SCIENTIFIC RECORDS OF SCIENTIST-ORIENTALIST BAZAR BARADIN

The author characterises the scientific records of the Diaries of an orientalist scientist B. Baradin (Department of manuscripts and documents of the Institute of Oriental manuscripts of RAS. F. 87. Op. 1. D. 1, 2, 26, 27), which contain a unique material for the study of the daily realias of the Buddhist monasteries of Buryatia. The diachronic diversity of sources allows to draw relatively representative conclusions about the activity of Buryat datsans as centers of Buddhist culture.

Keywords: Diary, datsan, community, school of icon painting, interior.

Основной корпус источников для исследования научного наследия Б. Барадина составляют архивные материалы, находящиеся в фонде рукописного отдела Института восточных рукописей РАН (Ф. 87. 34 ед. хр.), личном фонде Б. Барадина в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (Ф. 7. 46 ед. хр.), в хранилищах Национального архива Республики Бурятия и Иркутского исторического музея. Кроме того, это изданные труды ученого и многочисленные исследования его творчества. В целом чрезвычайно обширная, разнообразная научная жизнь и творческая деятельность Базара Барадина являются объектом интереса и изучения не только буддологов, но и широкого круга специалистов-монголоведов, тибетологов, санскритологов, религиоведов, этнографов, фольклористов, литературоведов, переводчиков, общественных деятелей. Творческое наследие Б. Барадина включает более 100 опубликованных работ и художественных произведений, хотя

ЖАМСУЕВА Дарима Санжиевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: darisan@rambler.ru.

в автобиографии (1936 г.) Б. Барадин пишет: «Имею печатных работ более 30 названий научно-востоковедческого (оригинального и переводного с тибетского), художественно-литературного и учебно-научного характера (по теории и практике бурятского языка), причем научные произведения написаны, главным образом, на русском и отчасти на бурятском языках, а художественно-литературные произведения написаны на бурятском языке» [Автобиография 1992: 116–119].

Необходимо отметить, что научная деятельность Б. Барадина была тесно связана с именами выдающихся российских востоковедов, таких как С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, О. О. Розенберг, А. М. Позднеев, благодаря которым и сформировалась буддологическая направленность исследовательских интересов Б. Барадина. По их же рекомендации Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии командировал Б. Барадина в первую научную экспедицию для изучения буддийской иконографии и жизни дацанов в Забайкалье.

В дневниках Б. Барадина по их содержанию условно можно выделить два периода.

Первый период – дневник 1903 г., описание Гусиноозерского, Ацагатского, Анинского, Эгитуйского, Агинского и Цугольского дацанов. Записи путевого дневника Б. Барадина, в некоторой степени, являются единственным свидетельством исторического прошлого, так как в силу разных причин не сохранились в полной мере до наших дней Гусиноозерский, Агинский и Цугольский дацаны, а Ацагатский, Анинский, Эгитуйский уничтожены полностью.

Ценность дневниковых записей Б. Барадина 1903 г. заключается в подлинном отражении действительности и реалий описываемого периода, достигнутом в результате скрупулезной, ежедневной фиксации монастырской деятельности. Кроме того, регулярная запись в дневнике сопровождалась указанием конкретной даты, маршрута, места, где она сделана, и т. д. Все это позволяет проникнуться той атмосферой напряженной работы ученого, которая проходила в полевых условиях.

В путевом дневнике 1903 г. информативным документом являются данные о художниках-зурачинах конкретного дацана, о технике литья, изготовления штампов для скульптур и т. п. Немаловажны сведения о иконописных школах Лхасы, Лаврана, Гумбума, Пекина, Долон-Нора и Урги. Б. Барадин, подробно описывая технику рисования танков, отмечает и мельчайшие сопутствующие детали: какие инструменты используются, где приобретаются холсты, по какой цене, какие краски предпочтительнее для работы, какие существуют отличия в работах иконописцев. Например, он пишет: «Различают пекинские и лхасские работы преимущественно качеством и цветом краски. Краска лхасской работы лучше пекинской. По тонкости работы они одинаковы. Китайские краски бывают более яркие и бледные, а тибетские более густы и мягкие на вид. Правила тик'а тибетские и китайские совершенно одинаковы. В Пекине славится зурачин китаец Лу-хоажан, коему делают заказы из Забайкалья. Затем идут работы по качеству лавранские, долонорские и ургинские. В Лхасе и Урге есть казенные зурачины, содержимые казною Далай-ламы и Ургинского хутухты. Они преподают технику зуракского искусства всяким желающим обучаться, даже мальчикам в течение нескольких месяцев или года» [Дневники 2013: 27]. Бесценные наблюдения автора, зафиксированные в дневнике, дают возможность составить глубокие представления об иконописных школах Тибета, Монголии, бурятской технике рисования и литья скульптур.

Но не все записи дневника Б. Барадина имеют вид поденных заметок по буддийской иконографии. Некоторые части дневника позволяют проследить уникальность зафиксированных встреч в пути, дорожные впечатления и тем самым содержат элементы характеристики «научного быта» ученого. Например, Б. Барадин описывает

репетицию религиозной мистерии Цам, которая являлась неотъемлемым атрибутом религиозного праздника Майдари; интересна его запись встречи с известным писателем, бурятским филологом-монголистом и тибетологом Р. Номтоевым, где изложена краткая биография последнего, что само по себе является ценным источником.

Несмотря на то что перед Б. Барадиным была поставлена определенная цель – собрать материал по буддийской иконографии, тем не менее им затронуты и другие вопросы научно-познавательного характера. Написанный простым и доступным языком его дневниковый отчет 1903 г. содержит изложение конкретных сведений об истории строительства дацанов, подробное описание их внешнего и внутреннего вида, убранства храмов, внутренней структуры и организации. Приведены данные о богословских школах, наличии типографий (в т. ч. о технике и процессе ксилографирования), о количестве ламских домов, численности духовенства и хуварак. Анализ этих документов позволяет систематизировать данные об имущественном состоянии дацанов и раскрыть важные аспекты внутренней жизни буддийских общин.

Второй период охватывает 1904 год. Это дневниковые записи из трех тетрадей, произведенные в период пребывания в Агинском и Цугольском дацанах. Первые две дневниковые записи содержат более подробные сведения о Цугольском и Агинском дацанах. Диахронное разнообразие источников позволяет сделать относительно репрезентативные выводы о деятельности агинских дацанов как центров буддийской культуры. В дневниковых записях Б. Барадина за 1904 г. важное место занимает анализ книг по буддизму, иконографии. При этом его суждения отличаются глубоким научно-аналитическим содержанием, прослеживается профессиональная оценка буддолога в области бурятского буддизма и живописи.

В силу особенностей характера дневниковых записей, учитывая, что это ежедневная фиксация событий, в них, безусловно, присутствуют личные суждения, впечатления о тех людях, с которыми ему удалось общаться, и о тех объектах, которые он изучал. Например, дублируя ксилографы книг по иконографии, Б. Барадин отмечает: «Эти книги были отчасти тибетские и монгольские (последняя – переводы). Из них тибетские я передал своему другу Чойжи Ванчуку для переписывания, а монгольские оставил у себя, чтоб переписать их самому. Мы вместе с Чойжи Ванчуком рассмотрели эти книги. Из них – основное сочинение (по убеждению забайкальских зурачинов и руководство по буддийской иконографии на тиб[етском] языке. Сочинение тибетского ученого ламы *sum pa mkhan po ye shes dral 'byor* («Комментарий на базовый (текст по) рисованию» (Тигза шандел Сумба Хамбо Ешей Балжора), а остальные – на монгольском языке по тому же предмету... Если будет переписана эта книга и переведена когда-нибудь на один из европ[ейских] языков, то книга впервые появится в Европе и представит большой интерес для специалистов как основное руководство буддийских иконописцев Тибета, Монголии и Забайкалья. По крайней мере, к этому убедило меня до сих пор всеобщее мнение забайкальских зурачинов относительно этой книги, хотя они знают, что существуют еще многие другие книги по этому предмету. Кроме того, очень важно, что я нашел книги по иконографии на монгольском языке – переводы с тиб[етского]. Я решил списать сам, что, к сожалению, займет очень большое время в ущерб остальным моим работам» [Дневник 2013: 84].

Исследуя буддийскую иконографию, Б. Барадин обращается к истории буддийских догматов для более глубокого осмысления и понимания: «Сегодня утром условились с учителем окончить Сиданту в один урок, поэтому я отправился к нему пораньше, и наше занятие продолжалось долго, непрерывно, до самого обеда. Я остался очень доволен своим занятием по буддизму во время своего кратковременного пребывания в этом дацане. Во многом нашел объяснения различных философских вопросов буддизма, которые для меня раньше были малопонятны. Мой учитель так

прекрасно объяснял и [я] удивлялся его ученостью, что я ему, как и раньше, приношу свою беспредельную признательность. Он с искренней заботливостью снабжал меня на далекий путь своими глубокими познаниями» [Дневник 2013: 120–121].

Кроме того, Б. Барадин свое изучение монастырских комплексов совмещает с освоением разговорного тибетского языка. Осуществляя перевод некоторых тибетских сочинений, дает подробные данные и описания буддийских рукописей и ксилографов по иконографии, приводит список сочинений со своими комментариями известных буддийских деятелей. К примеру, сообщает, что лучшим источником по вопросу изучения лхасских святынь являлось сочинение V Далай-ламы, что лучшим руководством иконописцев являлся комментарий Сумба Хамбы на базовый текст по рисованию. Описывает как каталоги книг библиотек Агинского и Цугольского дацанов, так и каталоги библиотек лам (в т. ч. ганжирвы-гэгэна Д. Норбоева), и т. п.

В дневниках Б. Барадина наряду с записями научно-исследовательского характера попадают заметки о душевных переживаниях, эмоциональном настрое автора дневника. Об этом говорят следующие строки: «Эти мысли и то обстоятельство, что я мирянин и хожу теперь один особняком от философствующих чтецов, поразили меня захватывающим образом: сразу мои мысли обратились с требованием отчета к моей жизни. Выполнил ли сколько-нибудь ту высшую задачу жизни, которую я, по своему разумению, считаю наивысшей и возможной и которая должна быть таковой всем без различия существам? Ответ был: “несколько”, и я сознал себя самым жалким существом и одним из бесчисленных обитателей мира сего, удел которых до сего времени был весьма определен: “родился, жил безотчетно и умер неожиданно для себя”» [Там же: 58]. Таких заметок, впрочем, не так много.

При этом необходимо отметить, что в его дневнике присутствует немало личных суждений, впечатлений о тех людях, с которыми ему удалось общаться, и о тех странах, которые он изучал. Например, с исторической точки зрения важны заметки о политическом положении изучаемого региона: «В то время было в Тибете спокойно, по крайней мере в Лхасе. Но, тем не менее, по его словам, в Тибете шли большие толки о приближении пилинов, т.е. англичан, о вступлении их в пределы Тибета. В то время ему неизвестно, чтоб тибетцы что-либо предпринимали против англичан, только ограничивались созывом в Лхасу гуртынов *sku rten* (чойджинов) числом до 70 человек. Они будто предсказали, что никакой опасности для веры нет и т. п. Вот и все, что знал он о Тибете в момент своего выезда оттуда. Да еще он виделся с Агваном Доржиевым, только что прибывшим в Лхасу из Забайкалья» [Там же: 89].

Значимый историографический аспект представляет описание главных храмов в Цугольском и Агинском монастырях, определяющее характер культовой деятельности дацанов, структуру, обрядовую специализацию и раскрывающее особенности культовой системы агинской конфессии. Подробное описание Б. Барадина внешнего вида и внутреннего пространства дацанских комплексов, малых его архитектурных форм дает возможность детально проанализировать соотношение архитектурных и эстетических решений с религиозными традициями и существенно расширить базу для последующих исследований. Дневник содержит данные о размерах основных и поэтажных частей храмов, примечательно, что автору дневника присуще подробное описание объекта его исследований. Так, характеристика, например, Цугольского дацана начинается с первых ступеней крыльца, затем идет поэтажная обрисовка. Каждый этаж описывается с севера, юга, востока и запада (количество окон, надписи с комментариями и т. д.). Пример начала описания: «Главным каменным корпусом храма составляет нижний и средний этажи высотой около 8 саж[ень] от основания. От этого главного корпуса над дверьми (нижн[его] этажа) выдается особое отделение с отдельной крышей. На верху этой крыши находятся <7> *sakra* [I] (*'khor lo*) –

колесо, символич[еское] изображение Учения Будды, а по обеим сторонам ее – по одной боди гурысыны (монг.) [II], обращенные головой к сакр'е. Символич[еские] изображения милосердия – все золоченые.

Это отделение, выступающее вперед от главного корпуса, висит над дверьми на шести кирпичных цилиндрических колоннах, отстоящих друг от друга на $1\frac{1}{3}$ с[ажени]. Колонны эти зеленого цвета, сидят на мраморных 8-угольных, грубо обтесанных подставах. Колонны высотой без подставок и верхних подпор, будет $1\frac{1}{3}$ с[ажени] в диаметре $\frac{3}{4}$ арш. На верхних концах колон – мраморные подпоры <8>, с лицевой стороны которых высечены изображения бурханов» [III; Дневник 2013: 119].

Особое внимание Б. Барадин уделял расположению танков, их описанию и оценке, что, безусловно, представляет уникальный материал для изучения различных вопросов по богатейшему духовному и культурному наследию буддийского искусства, что позволит обогатить наши познания сведениями об иконописной школе бурятских зодчих. В том же 1904 году кроме описания главных зданий монастырского комплекса Б. Барадин подробно составил схемы расположения внутреннего убранства этих дацанов.

Эти планы являются приложением к описанию цокчен-дацанов. В этом описании поэтажно на страницах 37–77 дано подробное описание 19 планов. Необходимо заметить, что Б. Барадин составил планы этажей любопытным образом, что видно даже из названия плана № 6 «План потолка верхнего этажа», который представляет собой расположение танков, спущенных с потолка верхнего этажа Цугольского дацана. Эти записи позволяют в некоторой степени «восстановить» интерьер буддийского храма, дают полную и точную картину внутреннего пространства убранства дацана, дают возможность узнать типичное расположение статуй божеств и знаменитых буддийских (в т. ч. и бурятских буддийских) деятелей.

Описание монастырской деятельности бурятских дацанов, представленное в дневниковых записях, явившееся объектом специального научного исследования Б. Барадина, представляет одну из неосвещенных в полной мере сторон его деятельности. И составляет лишь небольшой отрезок времени в его богатой биографии, однако он важен тем, что именно в эти годы Б. Барадину удалось ознакомиться на практике с «внутренней» жизнью в дацанах. Это оказалось положительным опытом для осуществления поездки в Тибет и исследования монашеского быта в тангутском монастыре Лавран, гдегодились приобретенные навыки, привычки и научные традиции.

Дневники Б. Барадина как источник по изучению культовой деятельности бурятских дацанов представляют безусловный интерес не только подробным воссозданием повседневных реалий монастырей – центров буддийской учености, но и продуманностью структуры изложения. Они также дают возможность проследить зарождение научных идей, мыслей, которые впоследствии вылились, на наш взгляд, в важнейшие обобщения и научные труды: «Буддийские монастыри» (1992); «Беседы буддийских монахов» (1925); «Путешествие в Лавран: буддийский монастырь в северо-восточной окраине Тибета в 1905–1807 гг.» (1908); «Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране» (1924).

Таким образом, анализ дневников позволяет систематизировать данные об имущественном состоянии дацанов, раскрыть важные аспекты внутренней жизни буддийских общин. На основе нарисованных схем, подробного списка и описания божеств, составляющих внутреннее убранство дацанов, можно воссоздать их масштабную композицию. Б. Барадин устанавливает преемственность бурятской иконографии с тибетской, монгольской, китайской, анализирует ее как целостный культурный феномен, сложившийся в контексте религиозной идеологии. Значительное место в текстах занимает оценка книг по буддизму, буддийской иконографии, хотя

Примечания

I. Чакра (санскр. sakra) – колесо с восемью спицами.

II. Лань, олень.

III. Бурятское название. Тумэн жаргал – сложное переплетение крестообразного орнамента, символизирующего долголетие.

Литература

Автобиография Базара Барадина // Orient: альманах. – 1992. – Вып. 1. – С. 116–119.

Дневник вольнослушателя Санкт-Петербургского университета Базара Барадина по бурятским дацанам (1903–1904) / подг. к публ., предисл., коммент., указ. Д. С. Жамсуевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 237 с.

References

Avtobiografiya Bazara Baradina // Orient: al'manah. – 1992. – Vyp. 1. – S. 116–119.

Dnevnik vol'noslushatelya Sankt-Peterburgskogo universiteta Bazara Baradina po buryatskim dacanam (1903–1904) / podg. k publ., predisl., comment., ukaz. D. S. Zhamsuevoj. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2013. – 237 s.